

В этом году
казанскому поэту,
барду, прозаику
Геннадию Мигачёву
исполнилось бы
40 лет

Фреликс Миранин

репортаж
с того берега

Миры Геннадия Мигачёва

217

*Есть только Северный Ветер, и он разбудит меня
Там, где взойдёт звезда Аделаида.*

Б. Г.

– Дорогие друзья! Мы ведём наш репортаж с берега реки Эльгес. Перед нами возвышаются величественные руины старинного замка Вергиль, который, по преданию, в четырнадцатом веке стал последним оплотом лиги детей Первого, навлекших на себя гнев священной инквизиции. Им приписывали владение сокровенными тайнами бытия, боевыми искусствами, а также обвиняли в колдовстве и открытом поклонении дьяволу.

Так это или нет – в этом как раз мы и хотим разобраться. С этой целью наши корреспонденты связались с Жаном д'Алевье. Он будет нашим Вергилием в путешествии на ту сторону Мёртвой реки, в страну Прозрачной Ностальгии. Вот он внезапно, как бы из воздуха, появляется перед нами; на нём красный спортивный костюм и чёрные кроссовки, его светлые волосы разве-

ваются на ветру. Рядом с ним переминается с ноги на ногу добродушный фиолетовый волк.

Так и хочется поскорее приступить к интервью, но сначала нам предстоит путь к Северным Горам. Жан превращает нас в орлов, даёт последние инструкции, и мы взмываем в солнечное испанское небо. Постепенно сознание свыкается с птичьим телом, к языку возвращается способность говорить, и мы задаём первый вопрос:

– Скажи, Жан, давно ты научился превращать людей в птиц?

– Много веков назад, – отвечает наш спутник, повергая нас в недоумение, – я ведь живу на Земле с 3028 года до нашей эры.

– Это, наверное, шутка. Ведь на вид тебе не дашь больше двадцати!

Но на лице Жана нет и тени улыбки.

– Я прихожу в этот мир время от

времени под разными именами. В четырнадцатом веке среди вергильцев я был известен как Жан д'Ардье по прозвищу Белый Орёл. Последнее моё воплощение состоялось 26 мая 1972 года в Казани, когда звезда Аделаида взошла над миром в девяносто восьмой раз, и звали меня Геннадием Мигачёвым. Мне было поручено донести до людей двадцатого века веру вергильцев.

– Да, мы слышали о Мигачёве. В своих стихах и песнях он часто говорил о смерти, как будто предчувствовал, что жить ему на земле осталось немного. Вот, например, такие строки:

«Во мне таится смерть. Тихонечко, украдкой
Она во мне нашла себе приют...»

«Не бойтесь, я скоро уйду в темноту,
Где отблеск теней фиолетовый...»

«А я давно уже во власти смерти,
Она поёт во мне о тех мирах...»

Помнится, он стал лауреатом конкурса авторской песни в Набережных Челнах, собирался создать свою музыкальную группу, но в мае 1992-го его,

совсем ещё молодого, сбила машина. Какая неожиданная и несправедливая смерть!

– Ничего неожиданного, а тем более несправедливого в этом нет. Смерти не нужно бояться, она вовсе не похожа на скелет с косою в руке, – это просто устрашающий образ для толпы. По большому счёту смерть это счастье, но право на это счастье надо заслужить! Она должна прийти как единственно неизбежный выход, когда все способы сражаться здесь, в этом мире, исчерпаны. Только полная сомнений и противоречий, битв и схваток, слёз и крови жизнь может дать право на Смерть. И я, разумеется, многое знал наперёд, задолго до того, как 12 мая 1992 года на Ленинской дамбе мне была послана та белая «Волга».

– О какой вере ты говоришь?

– Наша вера – Первый; в простонародье его принято называть Дьяволом.

– Но ведь, общаясь со злом, человек привлекает к себе силы тьмы, и они могут завлечь его в чёрный омут.

Жан летит некоторое время молча, затем говорит:

– Изначально Бог и сатана произошли (а точнее, всегда были) из одного сословия – сословия ангелов. Они, несомненно, были самыми выдающимися из них, хотя большинство было на стороне Бога. И в тот момент, когда между ними произошла ссора, они проявили свои амбиции, в результате чего Сатана вынужден был удалиться. Шедшие с ним предали его, и на какой-то период он остался в полном и гордом одиночестве. Люцифер не козлоное существо, как думают недалёкие богословы и параноидальные устроители «чёрных месс», а всемогущий гений, ведущий многовековую борьбу с силами пустоты, и его мало интересует, как мы его себе тут представляем. Можно сказать о нём только так: это нечто, рассказавшееся по всему пространству, по всей планете, по всем мирам, и совершает либо добро во имя зла, либо зло во имя добра. И, видимо, лучшими его учениками являются те, которые дела-

ют зло во имя добра, потому что в итоге оказывается прав тот, кто думает во имя будущих поколений.

– Большинство людей, наверное, с вами не согласится. Нас ведь учат тому, что дьявол – исконный и злейший враг рода человеческого.

– Зло можно рассматривать немного иначе: как вынужденное насилие над агрессивным заблуждением. И лично для меня иного понятия зла не существует. Это та сила, которая позволяет защитить творимое мирозданием добро, сорвав с лица трусов, подавленных своим отупением, маску ханжества.

– Ты упомянул звезду Аделаиду...

– Да, она восходит над Землёй раз в столетие. По учению вергильцев, всего она должна показаться на небе сто один раз, после чего возможен апокалипсис со всеми вытекающими последствиями. В настоящий момент человечество переживает духовную стадию этого явления. Если до конца XXIII столетия люди не воплотят в жизнь идею всемирного Добра, то звезда Великой Любви над нашей планетой больше никогда не взойдёт, после чего для дальнейшего развития или какого-то жалкого подобия прежней жизни будут отобраны немногочисленные лучшие примеры нашей далёкой от совершенства цивилизации.

...Наш полёт продолжается. Время от времени мы смотрим вниз. Под нами проплывают леса, города, прямоугольники полей. Летим долго, но солнце и не думает садиться. Постепенно становится прохладней, изредка в лицо ударяют лёгкие порывы Северного Ветра.

– Оригинальная у тебя вера, Жан...

– Каждый человек должен создать свою веру. Он может принимать или отвергать наиболее великие её примеры, но сам он верит лишь в себя, иначе он просто трус! Только в состоянии повышенного конфликта с этим миром и в постоянном ожидании самой злобной агрессии с его стороны может формироваться личность. Чёткость взглядов каждого человека определяет высоту значения его личности в будущем. Лю-

бая личность произвольно стремится к собственной вере, подобно нации, стремящейся к самоопределению.

Постепенно местность становится холмистой. Вот вдалеке уже отчётливо прорисовываются причудливые горные вершины. Наш провожатый называет по именам все пять пиков. Они всё ближе. Слева направо идёт пик Змей, пик Орлов – самые маленькие в этой системе и приблизительно одной высоты. Они почти сплошь поросли мхами, лишайниками и мелким кустарником. Правее начинается болотистая местность, покрытая багульником и елями. Третья гора – пик Демонов – высится немного левее, как бы делая изгиб в горной цепи. Первые два пика от неё отделяет Изумрудная Мшара, вокруг которой растёт много клюквы. Эта вершина повыше и пошире в подошве. Четвёртая опять уходит вправо. Это пик Игла, второй по высоте, самый острый, узкий и скалистый, почти лишённый растительности. Между ним и пиком Демонов сплошной стеной стоит небольшой, но труднопроходимый лес. Последняя гора, самая высокая, покрыта снегом, и имя ей – пик Смерти. От предыдущих вершин она отделяется небольшой долиной, которую со всех сторон обступает лес и холмистая местность.

– Это Долина Любви, – поясняет наш гид, – как видите, в летнее время она буквально расцветает красными и фиолетовыми маками. Вон там, за пиком Смерти, начинается Драконова ложбина, она хорошо просматривается с откоса этого пика. В ложбине много солёных озёр, поражающих обилием мелкой рыбёшки. А в лесах вокруг этих озёр полно дичи, а также волков, лисиц, медведей и кабанов. Словом, дикая, необжитая местность.

Где-то милях в двух от горы нашему взору предстаёт какая-то большая река. Её разлив достигает нескольких километров, и лишь на самом горизонте виднеется чёрная ниточка прибрежной полосы.

Мы начинаем спуск и вскоре плавно приземляемся недалеко от берега на

сплошь усыпанной цветами поляне, там, где нас поджидают какие-то люди.

– Тысяча сто! – приветствует Жан собравшихся.

– Тысяча сто! – отвечает ему хор голосов.

Мы опять обретаем человеческий облик, и Жан представляет нам встречающихся. Это седовласые Вигор и Одинокий. Пилигрим, Принц Северных гор – Кларк с женой Мейбл, мсьё Альфред Зодиак, а также генерал Брусника и полковник Клюква.

Нас приглашают к костру. В тишине ясно слышно потрескивание сучьев. Все погружаются в созерцание поющего пламени, а Кларк, взяв флейту, наигрывает какую-то зачаровывающую мелодию. Затем, отложив инструмент, присоединяется к сидящим.

– Что это за река? – спрашиваем мы наконец, чтобы прервать затянувшуюся молчание.

– На картах вы её не найдёте, – отвечает принц Северных гор, отрываясь от любования огнём, – это и есть Мёртвая река. Здесь проходит граница жизни и смерти. На том берегу – уже другой мир.

– То есть, – пытаемся уточнить мы, – чтобы попасть в тот мир, её надо переплыть?

– Нет, переплыть её невозможно, – вступает в разговор мсьё Зодиак, – только перелететь. И не в орлином, а в человеческом обличье. Но способен на это далеко не каждый.

– А чем занимаетесь вы, мсьё Альфред?

Наш собеседник поправляет съехавшие с носа изящные очки с зелёными стёклами, из кармана его клетчатого пиджака выпадает карточная колода.

– Моя профессия – небесный зодчий. Работа очень хлопотливая и серьёзная: построение небесных замков, составление созвездий, укрепление фундамента Млечного Пути, изучение космических вихрей, распределение звёздной энергии, локализация характеров различных созвездий...

– А что, созвездия – это нечто живое? – перебиваем мы.

Небесный зодчий смотрит на нас как на слабоумных:

– Ну разумеется, живое! Звёзды на самом деле дышат, только иначе, чем люди. У них есть своя стратегия и тактика построения в созвездия. А созвездие, исходя из энергии звёзд, умеет передвигаться и прятаться на небе. Созвездие Пантеры, например, – исключительная умница! Появляется в любой точке космической сферы и опрокидывает все законы, даже Великий Закон Орбит!

Мы понимающе киваем, но на всякий случай переводим разговор в другое русло.

– Скажите, чем привлекателен тот берег?

– О, там прекрасно! – говорит Кларк, – это нельзя объяснить словами. Только побывав на той стороне, можно понять всю прелесть Прозрачной Ностальгии. Но после этого уже не хочешь возвращаться.

– Но почему же тогда вы выбрали для обитания эти места?

Ответ мы получаем не сразу. Генерал Брусника берёт скрипку и исполняет на ней пронзительную импровизацию. Затем бережно кладёт смычок на траву и лишь после этого отвечает:

– Нам поручено защищать и сохранять чистым воздух этих гор.

– Защищать? От кого же?

– От подонков, служащих лорду Пустоте. Временами здесь разыгрываются нешуточные баталии. Например, когда шла битва за душу Тореро, Сатана вместе со своей армией был вынужден пойти на риск, и нашей заставе не успели помочь...

– Простите, а кто этот Тореро?

– Это одно из моих прошлых воплощений, – объясняет Жан, – вообще-то меня сотворил Гул, и долгое время я был послушным орудием в его грязных руках. Но потом пришло прозрение, я осознал пороки – свои собственные и моего создателя – и в ре-

зультате жесточайшей борьбы в течение многих жизней мне удалось вступить с этой силой в противостояние и перейти в стан Первого. Владыка Пустоты, разумеется, не хотел мириться с потерей любимого ученика, и разгорелся бой.

– Расскажите, пожалуйста, об этой битве! – просим мы.

В ответ Жан д'Алевье берёт гитару и начинает песню:

В краю, о котором не писаны книги,
Где полнится влагой трава,
Ютилась земля генерала Брусники
Полянкой у самого рва.

Их было пятнадцать ребят с генералом
И все находились в тени,
Никто не кичился мечом и забралом,
Растили бруснику они.

В Брусничке-реке, что вблизи протекала,
Не плавал и Ноев ковчег.
А рядом граница миров пролегалась
И ягоды прятала в снег.

Но раз на границе прошляпили малость,
Проспали тревогу, видать, –
Небесных кочевников стая примчалась
И стала бруснику топтать.

Врагов, испускающих радости крики,
Недолго в азарте трясло.
Отважный отряд генерала Брусники
Клинками приветствовал зло.

Не слышали люди сражения трели,
Панамы надвинув на бровь,
Вдоль пропасти шастая, тупо смотрели,
Как льётся брусничная кровь.

Брусничные люди сражались как волки
И каждый седьмой умирал,
Но все они были зерном в кофемолке;
Последним погиб генерал.

В ладони сжимая брусничные зёрна,
Он встал после смерти из трав.
И тихо сказал мне: «Всё в мире так спорно,
Мы видим, лишь стены убрал».

Над поляной вновь воцаряется тишина. Но наше любопытство возрастает с каждой минутой, и следует новый вопрос:

– Верно ли мы поняли – по ту сторону Мёртвой реки простирается не только страна Смерти, но и царство Гула?

– Конечно же нет, – вступает в разговор молчавший до сих пор седовласый Вигор, и все почтительно оборачиваются к нему. Он совсем не похож на 150-летнего старика, в нём чувствуются колоссальная энергия, воля и мощный интеллект. Его голос звучит как звук сходящей снежной лавины:

– Мироздание надо представлять в объёме.

Возьмём некую точку в пространстве и проведём через неё три перпендикулярные друг другу оси.

Ось X – ось небытия. Люди, относящиеся к этой оси, не верят в высшие силы. Они не видят их буквально, а ощутить не могут в связи с атрофированным чутьём, однажды подмятым дубовыми утверждениями материализма. Среди этих людей немало хороших, которые, к сожалению, почти никогда не могут восхищаться искусством, быть одержимыми идеями или делать что-либо не ради материальных благ. Они на всё смотрят с точки зрения выгоды. Из них выходят неплохие меценаты признаваемого искусства, в котором они сами мало что смыслят и делают эти вещи ради денег или из желания остаться в истории. Из этих людей получают отменные карьеристы, но своей буквальностью и конкретностью они могут живого в гроб загнать. Наверяд ли они понимают смысл Любви, а, как правило, ищут элементарного удовлетворения. Словом, это люди, всё делающие из приличия, лишь бы не быть смешными. Они – образец традиционности и довольно высчитанной «тёплости», а не теплоты. Можете не сомневаться: раздёнсья окружающие догола, они в скором времени пошли бы вслед за большинством.

Ось Y – ось Бога, ось Добра. Эти люди и соответствующие им течения верят в силу всемирного Добра. Единственное их упущение – чересчур повальное прощение преступника, неумение защитить свою веру и своих сынов, которых нещадно бьёт человечество. Именно людей с этой оси по изначальной идее должна защищать всемирная

сила Зла, которая расположена на последней оси.

Ось Z – ось Зла, ось Гения Тьмы Дьявола. Это ось силового принципа, ибо есть силы в этом мире, с которыми можно быть только непримиримыми. Ученики Люцифера вовсе не отрицают Добра, но совершают его попутно. Основной же их силой является благородная сила Ненависти – борьбы с Пустотой и Извращением во имя великой силы Добра, ибо как в этом мире священна сила Любви, так священна и сила Ненависти.

Три эти оси мерно давят на пространство мироздания, как бы разделив сферы влияний. Но в биссектрисах двугранных углов между ними по всем здоровым законам образуется разряжённое пространство. Через это пространство проходят прямые, на которых ютится остаточная сила. Эти оси именуются осями H – осями Пустоты, Беспринципности, Извращения. Насилие, совершаемое людьми этих осей, беспринципное и беспорядочное. Эти оси того, кого мы именуем Гулом. Именно с этой силой мы поклялись бороться всю жизнь и после Смерти, как бы нам ни стягивали руки, какими бы высокими ни были преграды на нашем пути!

– Конечно, не всем по силам открытая борьба, – добавляет полковник Клюква, – но есть ещё один, не менее действенный, метод – это борьба посредством высокого искусства! Именно поэтому среди нас так много художников, музыкантов, певцов. А Северный Ветер имеет ещё одну проекцию – Великий Поэт, или же Мастер. Он навевает высокие мысли и чувства, даёт силу стихам.

– Скажите, Мейбл, а что за флаг развивается у входа вон в ту пещеру?

– У Дьявола три ключевых цвета: ярко-алый – символ агрессии, символ пролитой крови в борьбе за веру, символ жажды кровопролитной, но справедливой борьбы с Пустотой; ярко-фиолетовый с едва ощутимым преимуществом синего – символ мысли, раздумий и глубокого лиризма, символ стремления думать и чувствовать прежде, чем действо-

вать; ярко-чёрный на манер сажи – символ спокойствия, надёжности, внимательности и осторожности. Два прямоугольных треугольника – красный и фиолетовый с общей чёрной гипотенузой и чёрной окантовкой есть наше знамя.

Сила Сатаны проявляется ночью, как говорят об этом набожные люди. Он является духовным братом Луны, которая, в свою очередь, символизирует мысли философские, а значит, высшие стремления. Полная Луна побуждает к активности и предельно взвинчивает кровь, заставляя думать мощно и интенсивно. В этом великая сила Тьмы. Принято считать, что Тьма и чернота – одно и то же. Но, разбавив Тьму светом, можно убедиться, что ведущий её цвет – ярко-фиолетовый.

Мы благодарим всех за столь интересное интервью и хотим уже спросить, можно ли нам побывать на том берегу. Но неожиданно из-за деревьев появляются новые лица. Один из них – высокий, сухощавый парень, стройный, мускулистый и жилистый. Его длинные чёрные волосы реют по ветру; взгляд фиолетовых глаз и классический египетский профиль несут в себе черты надменности.

Другой – невысокий мальчуган лет двенадцати, толстенький и рыжеволосый. В правой руке у него большая корзина. Один глаз этого карапуза зелёный, а другой – оранжевый.

– Лео! – кричит малыш. – Нет здесь ягод! Пошли на Драконову Мшару – там хоть клюква есть!

– Туда без Кайфа нельзя, Евграф, – ленивым голосом отвечает Лео, – там на днях появился дракон Чиар.

Мы как-то сразу догадываемся, что перед нами – дети Сатаны. Треск сучьев возвещает появление старшего брата.

Кайф больше похож на лесное чудовище, чем на человека. Глаза его постоянно щурятся, выющиеся белокурые волосы с рыжеватыми фрагментами придают ему зловещий вид. Его опоясывает тигровая шкура, с правого бедра свисает закреплённый на кожаном ремне полуметровый тесак.

Почти одновременно с ним на поляну высыпают смешные гномоподобные существа – лесные занозы и наперебой начинают жаловаться на обнаглевшего дракона, сжѐвшего весь сухостой и разрушившего несколько их домов.

– Пусть только попробует ещё раз там появиться, – бросает сквозь зубы Кайф, – сам лично накормлю его бо-лотной жижей!

Вся тройка уходит на Драконову Мшару, а мы взбираемся на утѐс и оттуда наблюдаем за происходящим. Вскоре по небу проносится огромная чѐрная тень – это дракон Чиар идёт в атаку.

Кайф хладнокровно отрубает ему конец хвоста. До нас доносится яростный вой чудовища. Крылатая тварь вновь взмывает в воздух и начинает новый заход. С огромной скоростью она устремляется на Кайфа. На этот раз «пиявка» вонзается дракону в горло. От рѐва снова закладывает уши, но клинок остаѐтся в горле Чиара.

Лео отдаѐт брату своё оружие, их враг изрыгает пламя вместе с кровью и идёт в последнее наступление. На помощь Кайфу спешат два созвездия – Орѐл и Пантера. Но, как видно, помощь ему не нужна – одной рукой он хватает дракона за нижнюю челюсть, а другой вгоняет ему сталь в нѐбо. Затем одним рывком левой руки бросает на землю бьющуюся в судорогах тушу.

Прыгнувшая с небес Пантера одним ударом лапы разбивает чудищу голову, а Орѐл выклѐвывает глаза.

– Отлетался, – мрачно изрекает Кайф, – отрубайте ему башку, подарим отцу для коллекции.

Лесные занозы подносят братьям три туеска брусники и клюквы. Лео благодарит их.

К нам подходит Одинокий Пилигрим и, как бы угадывая наши мысли, осведомляется, не хотим ли мы побывать на том берегу.

– Конечно же хотим! – восклицаем мы.

– Тогда вы должны знать, что над рекой растворена сила тех, кто на том берегу. Тот, кто сможет поднять руки и остановиться в полѐте посередине реки,

берѐт их силу, приобретая власть над своими страстями и умение распознавать людей, обладающих высшими знаниями. В полѐте вам поможет Жан.

Одинокий Пилигрим становится у нас за спинами и говорит:

– Итак, вы во власти энергии. Забудьте обо всѐм, что вас окружает, вы покидаете этот мир.

Тела напрягаются, руки сжимаются в кулаки, но лёгким движением руки наш наставник снимает напряжение:

– Сейчас вы забыли свой страх. Вперѐд!

В глазах у нас темнеет, мы видим перед собой лишь дымку сизо-сиреневого пара.

Неожиданно туман рассеивается, открывая берег Мѐртвой реки. На её поверхности царит идеальная гладь. Мы поднимаем руки, отталкиваемся и легко взмываем над рекой.

Воздух практически не оказывает сопротивления, во времена в нём являются отражения лиц – знакомых и незнакомых. Долетев до середины реки, пытаемся поднять руки и остановиться. Летящий рядом Жан помогает принять правильное положение.

Затем полѐт возобновляется, уже с гораздо большей скоростью, наконец мы чувствуем приближение какой-то фиолетовой темноты. Готовимся к неминуемому падению, но вместо страшного удара ощущаем мягкое приземление. И сразу обнаруживаем себя в кругу поздравляющих нас вергильцев.

– Тысяча сто! – слышим мы приветствия.

– Тысяча сто! – отвечает Жан.

Итак, друзья, наш репортаж продолжается! Впервые в истории мы ведѐм его с того берега Мѐртвой реки! Вокруг разлиты неземной свет и покой. Рядом с нами отряды Служителей Гор, Детей Смерти и Уходящих в ночь, а также те, с кем мы только что простились в Северных горах. К нам подходит художник Великий Стерх, геройски погибший во время осады Вергиля.

– Видите ту звезду? – говорит он.

Мы смотрим ввысь. В вечерующем небе загорается красная звезда. Поначалу она не слишком заметна, но постепенно её свет усиливается и озаряет своим сиянием весь небосвод. Вертикальные её лучи заметно длиннее горизонтальных, а в центре мелькает маленькая непонятной формы точка. Вдруг она со звоном падает на землю, и перед нашими взорами предстаёт молодая черноволосая женщина. Она прекрасна. Тёмно-фиолетовое кружевное платье с золочёными рукавами подчёркивает её девичий стан. На вид ей не более двадцати пяти.

– Мама! – вскрикивают Евграф, Лео и Кайф и, сорвавшись с места, бегут к леди Аделаиде.

Через минуту они уже сидят, обнимаясь, в траве. Она перебирает своими тонкими пальцами горстки ягод, и добрая улыбка скользит по её красивому лицу. Через некоторое время она оборачивается к нам и протягивает баночки с какой-то жидкостью.

– Это сиреневый экстракт, – говорит возлюбленная Люцифера, – он дарит людям Любовь. Но знайте, что любая истинная Любовь – в перспективе Смерть, будь то любовь к избраннику, Отечеству или к Истине.

Мы благодарим леди Аделаиду за столь дорогой подарок и тут же ощущаем, будто повеяло лёгким холодом. В круг собравшихся входит мужчина в фиолетовом плаще с откинутым капюшоном и начинает играть на флейте музыку Гор. Ему подыгрывают на скрипках, кифарах и трубах. В композиции слышен грохот камнепадов, звон альпийских ручьёв, свист безутешных метелей.

Незнакомец даёт нам в руки различные инструменты. Мы пробуем играть. Сначала у нас ничего не получается, но через некоторое время пальцы сами начинают угадывать нужные ноты, и мы самозабвенно играем до полного изнеможения.

– Кто Вы? – спрашиваем мы, и тут же нам становится ясно без слов, что перед нами собственной персоной Мессир.

– Разве я похож на того выродка, которым считают меня люди?

Мы смотрим на это свобододолюбивое и гордое, но в то же время благородное лицо и удивлённо молчим. В воображении всплывают картины дантова ада. А Мессир, опережая наши вопросы, говорит:

Ад – это Астральная Депрессия. У неё есть несколько кругов. Самого сурового наказания достоин насильник, убийца по призванию, распространитель наркотиков с целью наживы, а также все, кто этому сознательно способствует. Это первый круг. Далее следуют садисты, растлители, клеветники, клятвopреступники, торговцы святынями, игроки на чувствах (сутенёры, брачные аферисты, похитители детей или других заложников, а также пользующиеся услугами проститутки). Это второй круг.

Третий круг Астральной Депрессии – лгуны, торговцы оружием, порнографией, проститутки от искусства (в том числе члены жюри и критики); в четвёртом кругу воры, грабители, хулиганы и прочие уголовные преступники второго порядка. Пятый круг, он же последний, – наркоманы, токсикоманы, половые извращенцы, пьяницы, проститутки, самоубийцы.

Есть ещё предварительный круг – круг соглашателей, людей, отказывающихся от борьбы, потакателей, обжор, себялюбцев, словоблудов и прочих мелкашей.

Мужчина и женщина равны по происхождению, хотя созданы для разных миссий. Мужчины, увлечённые своей физической силой, погрязли в войнах, пьянстве и разврате, свойственным «сильным» личностям. Они на протяжении всей истории с детства готовили мальчиков к тому, что дело мужчины – убивать во имя «великих» идей, а дело женщины – рожать новые поколения убийц и насильников. И некоторые из существующих нечистоплотных религий до сих пор потакают их грязной политике. Но, как сказал один из поэтов, «профессия рожать древней, чем убивать».

Теперь, когда вы побывали здесь, в стране Прозрачной Ностальгии, вам трудно будет опять привыкать к земной жизни. Но помните, что у каждого человека есть своя миссия. Что каждый может по мере своих сил противостоять Пустоте. И что в мире нет ничего выше Любви и Искусства!

Напоследок Жан исполняет песню:

Всё так тихо вокруг. Может, мы ещё спим?
Небо в звёздах, сверкающих тускло.
В мою вену влились Белый Нил с Голубым,
Нынче путь их – единое русло.

У истоков растёт то ли куст бузины,
То ли заросли волчьего лыка.
И ты скажешь, что здесь не бывает весны,
Только осень да дождь-прощельяга.

Моя нежная смерть, подойди же ко мне,
Я хочу целовать тебя страстно,
В моё тело любовь проникает извне,
Как зима, ты сегодня прекрасна.

Нарисован мой путь в твоих белых руках,
Руки тянут, подобно магнитам.
То ли в северных льдах, то ли в жарких песках
Я остался валяться убитым.

Ты вонзила без слов в мои вены багор.
С той поры звуки струн моих звонки,
И ищу я свой труп в скалах северных гор
Или где-то в лесах Амазонки.

Не устала ли ты всё смотреть свысока
На моей не свершившейся тризне?
Всё ведь так хорошо, только ночь коротка,
Словно нить мною прожитой жизни.

Леди Аделаида желает нам успеха, наши новые друзья прощаются с нами. Люцифер делает лёгкий взмах рукой, и нас обволакивает разноцветный туман, в котором звучат неземные напевы, кружатся вихри, предметы и лица, и где-то в непостижимой глубине мироздания негнущим лучистым огнём горит звезда Великой Любви...

Неожиданно все образы и звуки тают, и какая-то неведомая сила возвращает нас в привычный мир, в нашу многолюдную Казань. Глаза потихоньку привыкают к действительности. Вокруг кипит жизнь – гудят автомобили, люди спешат по своим делам, не замечая нашего внезапного появления. До последнего, сто первого, восхода звезды Аделаиды ещё более двух с половиной веков.

Мы идём по Арскому кладбищу, проходим пятую аллею до конца и спускаемся метров на десять в овражек. Тут, с правой стороны, находится могила Геннадия Мигачёва. Северный Ветер слегка колышет листья и кладбищенскую траву, и нам кажется, будто в этом шуршании слышны обрывки нездешних мелодий и ещё не написанных стихов, стихов Великого Мастера, которые пишут все поэты.

Останавливаемся у ограды:
– Вот и мы, Жан. Тысяча сто!

Рис. Искандера Галлямова